

Л.Е. КЕСЕЛЬМАН, М.Г. МАЦКЕВИЧ

ИНДИВИДУАЛТНЫЙ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ОПТИМИЗМ/ПЕССИМИЗМ В ТРАНСФОРМИРУЮЩЕМСЯ ОБЩЕСТВЕ

В период масштабных социально-экономических сдвигов человек сталкивается не только с изменением внешних (в первую очередь экономических) условий существования, но и с не менее масштабными смещениями значительной части ценностно-нормативных координат [1, 2]. В этой ситуации адаптивный потенциал индивида пропорционален степени его оптимизма, а совокупный потенциал оптимизма в трансформирующемся обществе определяет необратимость социальных изменений [3].

В социальной психологии оптимизм/пессимизм личности рассматривался главным образом как ее “врожденное” свойство или как результат первых этапов социализации [4, 5]. Социальные условия рассматривались психологами как одно из важнейших обстоятельств оптимизма не только на стадии социализации, но и при определении актуального состояния личности [6, 7]. В рамках психологической традиции оптимизм личности связывался не столько с предвидимым ею будущим и антиципацией, сколько с уровнем удовлетворенности человека актуальным благополучием и его общим позитивным или негативным восприятием жизни [8-11].

В социологии понятие “личностный оптимизм (пессимизм)” стало использоваться относительно поздно, в конце 20-х — начале 30-х годов [12, 13]. На первых порах это понятие несло заметный отпечаток “психологического” происхождения. В советской эмпирической социологии, возрождавшейся в 60-е годы, понятие “оптимизм” быстро получило особенно широкое применение. Советские социологи часто были вынуждены искать индивидуальные проявления и подтверждения социального оптимизма своих сограждан [14-17]. Другой полюс шкалы в лучшем случае замалчивался в публикациях и отчетах, но чаще вынужденно игнорировался уже на этапе формирования программы исследования. В урезанном идеологической

Авторы работают в Санкт-Петербургском филиале Института социологии РАН.
Кесельман Леонид Евсеевич – старший научный сотрудник, руководитель группы изучения динамики массового сознания. Адрес: 198052 Санкт-Петербург, 7-ая Красноармейская ул., д. 25/14. Телефон: (812) 352-51-08. Факс: (812) 316-29-29. Электронная почта: keselman@crpsp.spb.ru
Мацкевич Мария Георгиевна – научный сотрудник группы изучения динамики массового сознания. Адрес: 198052 Санкт-Петербург, 7-ая Красноармейская ул., д. 25/14. Телефон: (812) 279-55-15. Факс: (812) 316-29-29. Электронная почта: maria@crpsp.spb.ru

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (проект 98-03-04382).

цензурой виде личностный оптимизм интерпретировался как результат социализации в условиях советской действительности, помноженный на осознание перспектив коммунистического строительства. В редких случаях выхода за негласно предписанные рамки официального оптимизма включался механизм репрессий [18, 19].

В качестве индикатора оптимизма обычно использовалось не видение перспектив, а удовлетворенность нынешней ситуацией (работой, семьей, досугом, решениями руководства и т.д., вплоть до удовлетворенности образом жизни и “ощущения счастья”) [20]. Не только в отечественной, но и в зарубежной социологической практике оптимизм (пессимизм) использовался как один из индикаторов удовлетворенности жизнью, субъективного благополучия и счастья. Иногда сами эти качества использовались как индикаторы оптимизма [12, 21-23].

Пессимизм/оптимизм, фиксирующий не отношение к нынешней ситуации, а ожидаемое будущее, в социологических исследованиях применяется значительно реже. Он, в частности, применялся авторами этих строк в конце 80-х годов, вероятно, одними из первых [24, 25]. В нашей стране этот индикатор получил относительно широкое распространение благодаря его регулярному использованию при замерах индекса потребительских настроений в общероссийских опросах ВЦИОМ [26-29].

После начала масштабных экономических преобразований внимание исследователей стал привлекать не столько оптимизм, сколько еще недавно замалчивавшийся пессимизм [30]. В конъюнктурной социологии интересоваться исчезающим оптимизмом стало почти так же “не модно”, как еще недавно его альтернативой. Переключение интереса от позитивного к негативному полюсу шкалы оптимизма/пессимизма сопровождалось переходом от идеи прогресса как ключевой темы современности к идее кризиса [31].

Основная трудность современных исследований пессимизма/оптимизма связана с недостаточной проработанностью методологии эмпирического наблюдения и анализа взаимосвязи ценностно-нормативных образований индивидуального и социального сознания, в частности, методологии вычленения ценностно-нормативных образований индивидуального и социального сознания в практике массовых социологических опросов.

Результаты социологических обследований россиян дают некоторое представление о динамике оптимизма/пессимизма в региональных, возрастных, экономических, образовательных социальных группах [32]. Анализируемые ниже данные получены в исследовании, которое является развитием начатого в 1989 году цикла социологических наблюдений на базе массовых репрезентативных опросов населения в Санкт-Петербурге, Москве, Самаре, Кемерово, Воронеже, Туле и других крупных городах. Одним из основных направлений этих исследований был поиск методологии вычленения ценностно-нормативных образований индивидуального и социального сознания в практике массовых социологических опросов и, в частности, изучение социально-структурных факторов регуляции индивидуального оптимизма (пессимизма) в период социально-экономических преобразований России [33-36].

Главной особенностью нашего исследовательского подхода является внимание к социально-структурным аспектам оптимизма/пессимизма. Наряду с прочим это означает сознательный отказ от максимально точной фиксации уровня оптимизма/пессимизма отдельно взятого индивида. Такая дошность естественна в рамках психологического подхода, но лишена серьезных оснований в социологическом исследовании, направленном на выявление собственно социальной составляющей изучаемых феноменов. Более того, стремление максимизировать точность измерения характеристик каждого индивида не позволяет получить приемлемые по надежности характеристики социальной группы. Повышение качества индивидуального замера обеспечивается, как правило, за счет увеличения численности первичных переменных (тестовых вопросов), что ведет к "утяжелению" методики. Это, в свою очередь, практически лишает надежды на приемлемую репрезентацию "малых" социальных групп (составляющих менее 1/10 исследуемой совокупности), а вместе с тем и возможность качественно измерить отдельные социальные группы. Таким образом, точность "индивидуального" измерения оказывается обратно пропорциональной точности собственно социального ("группового") измерения [37].

Традиционный подход к проектированию выборки базируется на, казалось бы, естественном постулате о равном "весе" любых отдельно взятых индивидов в "анатомии" и "физиологии" социальных институтов [38, 39]. В то же время наблюдения, в том числе полученные в рамках такого "эгалитарного" подхода, свидетельствуют о существенной дифференциации "социального веса" отдельных индивидов. Между тем, надежные данные о масштабах этой дифференциации при ограничениях общего объема выборочной совокупности не могут быть получены (без специального социально-структурного квотирования или "районирования") из-за исходной нацеленности на пропорциональную представленность всех элементов генеральной совокупности.

Такая "стратегия" приводит к потере надежных данных об относительно малых социальных группах. Для выборочной совокупности в 1 тыс. единиц наблюдения это, как правило, все группы, составляющие менее 1/10 генеральной совокупности. Используя в индивидуальных замерах "тестовые батареи", даже такую скромную выборку получить достаточно сложно. Именно поэтому уже на уровне первичного измерения социолога должны интересоваться не столько внутренние особенности и точность фиксации характеристик присущих отдельно взятому человеку, сколько степень выраженности изучаемого феномена в различных социальных группах.

Иначе говоря, стратегия репрезентативного социологического наблюдения должна быть направлена на расширение круга фиксируемых социальных групп, а не на их пропорциональную репрезентацию и точность индивидуальных измерений. По этой причине общую совокупность наблюдений мы стремимся довести до 2,5 тыс. респондентов и при первичном измерении индивидуального экономического оптимизма/пессимизма ограничиваемся фиксацией реакции респондента на вопрос: "Как вы полагаете, ваше материальное положение в ближайшее время (год) улучшится, ухудшится или останется примерно таким же?"

Внешне это совпадает с традиционной техникой опроса. Но интервьюер фиксирует не текстовый ответ, выражаемый респондентом, а свою *оценку* общей реакции респондента, включающей интонационную и мимическую экспрессию, жестикуляцию и контекст общения респондента и интервьюера.

Как показывают данные опроса свыше 3 тыс. жителей Самарской области*, серьезно опасаются дальнейшего ухудшения своего материального положения около 8% респондентов, и еще 15% предполагают такую перспективу не очень уверенно. В то же время 4% твердо убеждены в том, что в ближайшее время уровень их материального благополучия заметно повысится, и еще 23% не столь категоричны в своих прогнозах. В целом, 23% пессимистов опасаются перспективы ухудшения своего материального положения. Им "противостоят" 27% оптимистов, так или иначе ожидающих заметного повышения своего благосостояния. Остальные 50% не ожидают каких-либо заметных изменений в своем материальном положении.

Конечно, человек, опасаящийся падения своего благополучия, не может не испытывать стресса от такой перспективы. Для каждого из четверти депривированных (сегодня для российского общества это показатель почти благополучный) его личная ситуация драматична. Однако, стремясь к дальнейшему сокращению зоны экономической депривации, не следует упускать из виду огромные социально-структурные различия в нынешнем уровне экономической депривации и порождаемого ею индивидуального пессимизма.

Так, среди тех, кто моложе 25 лет, опасаются снижения своего благополучия лишь 8%. В возрастной группе 25-35-летних таких пессимистов уже 12%, а в группе людей среднего возраста (35-45 лет) их 23%. В следующей группе (45-60 лет) численность "индивидуальных пессимистов" достигает трети (32%), а среди наиболее пожилых (старше 60 лет) их уже 40%, то есть почти вдвое больше, чем в целом среди всех опрошенных, и в пять раз (!) больше, нежели среди самых молодых.

Диаметрально противоположная ситуация с когортными показателями индивидуального экономического оптимизма. Среди молодежи, не перешагнувшей порог 25-летия, заметного повышения своего материального благополучия ожидает практически каждый второй (49%). В следующей возрастной группе индивидуальных оптимистов около трети (34%), а среди людей среднего возраста (35-45 лет) – только четверть (25%). Среди лиц в возрасте от 45 до 60 лет численность "индивидуальных оптимистов" сокращается до 17%, а среди пожилых (старше 60 лет) таких лишь 10%, то есть чуть ли не втрое меньше, чем в целом среди всех опрошенных, и практически в пять раз (!) меньше, нежели среди самых молодых.

Такая же тенденция (правда, в несколько ослабленном виде) отмечается и в общероссийских опросах ВЦИОМ. Численность экономических оптимистов, ожидающих улучшения своего материального положения, среди тех, кто моложе 30 лет, в пять раз выше, чем среди перешагнувших порог 50-летия. Опасаю-

* Сбор информации проведен в августе 1997 г. Самарским областным фондом социальных исследований (руководитель – В.Б.Звоновский).

щихся же ухудшения своего материального благополучия среди молодых людей вдвое меньше, чем среди пожилых [32].

Предрасположенность той или другой возрастной (как и любой иной социальной) группы к позитивному или негативному видению индивидуальных перспектив отдельным показателем доли “оптимистов” (или “пессимистов”) описывается недостаточно полно. Информационно более емким может быть показатель, агрегирующий оба этих показателя в виде частного от деления численности в данной группе “пессимистов” на численность в ней “оптимистов”. Поскольку в числителе этого показателя — количество “пессимистов”, абсолютное значение выше единицы означает преимущественное тяготение данной группы к пессимистическому видению своих личных экономических перспектив, или просто к пессимизму; а значение меньше единицы свидетельствует о тяготении группы к оптимистическому видению.

Поскольку, как отмечалось выше, во всей совокупности опрошенных общая численность “пессимистов” не очень сильно отличается от численности “оптимистов”, среднее значение показателя “пессимизм” в ней близко к единице, хотя и несколько ниже ее: $23:27 = 0,85$. Такое значение показателя характеризует относительно благополучную ситуацию в начале осени 1997 года. Напомним, что осенью 1991 года индекс индивидуального экономического пессимизма был в пять раз больше — 4,17 (60:14,5), а в январе 1992 года (сразу после “освобождения цен”) достигал 4,69 (61:13). Аналогичная картина наблюдалась и в Санкт-Петербурге [31]. Таким был пик индивидуального пессимизма не только в Самаре или Петербурге, но и в целом по России.

По данным ВЦИОМ, численность индивидуальных пессимистов, ожидавших резкого снижения своего благосостояния, достигла максимума в первой половине 1992 года, после чего наметилась отчетливая тенденция снижения уровня индивидуального пессимизма [40].

В сентябре 1992 года первоначальный шок от столкновения с новой реальностью какой-то частью населения был преодолен, что отразилось и на значении анализируемого показателя, опустившегося в Самаре до 3,16 (48,5:15,5). До приемлемого уровня благополучия было еще далеко, но пик неблагополучия не только в Самаре, но и в целом по России остался позади. Весной 1995 года, несмотря на продолжавшийся экономический спад и чеченские события, уровень индивидуального пессимизма опустился еще ниже, что отразилось и на значении соответствующего индекса, приблизившегося к разделительной черте и составившего 1,12 (27:24). На этом уровне ситуация как бы замерла, и осенью 1996 года анализируемый показатель был равен 1,08 (23:21,5). Еще через год оптимистический настрой в самарском регионе, пожалуй, впервые после начала экономических реформ превысил уровень пессимистического, а значение показателя пессимизма опустилось ниже разделительной черты.

Таким образом, индекс индивидуального экономического пессимизма как агрегированный показатель не только информационно более емкий, чем отдельные его составляющие, но и обладает более высокими иллюстративными характеристиками. Об этом свойстве используемого показателя свидетельствует и разброс его значений в возрастных группах. Среди молодежи в

возрасте до 25 лет заметно преобладают оптимисты, их индекс экономического пессимизма много ниже единицы — 0,16 (8:49). В следующей возрастной группе (25-35 лет) этот показатель уже вдвое выше — 0,35 (12:34), а в группе людей среднего возраста (35-45 лет) его значение составляет 0,92 (23:25). Во всех этих группах оптимистов больше, нежели их антиподов, поэтому абсолютные значения индекса пессимизма меньше единицы.

На рубеже 45-летия зона преобладания благополучия и экономического оптимизма заканчивается. В последующих возрастных группах индекс фиксирует преобладание пессимистического видения индивидуальных экономических перспектив. В предпенсионной группе он равен 1,88 (32:17), а у тех, кому за 60 лет, — 4,00 (40:10). Нетрудно заметить, что в каждой последующей возрастной группе индекс пессимизма примерно вдвое выше, чем в предыдущей, а в последней группе он в 25(!) раз выше, чем у самых молодых. Индексы индивидуального экономического пессимизма, рассчитанные нами на общероссийских данных ВЦИОМ [32], для близких возрастных (когортных) групп — до 30 и старше 50 лет — различаются более чем в 10 раз. Разумеется, оптимистический взгляд на мир и собственное будущее во все времена был присущ молодости в большей мере, нежели другим поколениям, и особенно пожилым людям [41, 42]. Однако такой разрыв уровней оптимизма (пессимизма) молодежи и уходящих поколений в последний относительно стабильный период “социалистического застоя” (в 70-е и в первую половину 80-х годов) и представить было невозможно. Обычная траектория жизненной карьеры в это время описывалась достаточно пологой кривой, которая более чем плавно (очень медленно) повышала благосостояние среднего человека от его ранней молодости до примерно 45-50-летнего рубежа (вариации определялись гендерными, профессиональными и образовательными различиями). После этого экономическое положение человека (и его ближайшие перспективы) обычно стабилизировалось, и лишь при выходе на пенсию (на рубеже 60-летия) начиналось еще более плавное, нежели первоначальный подъем, понижение кривой экономического благополучия [43-44]. Но это было в стабильном обществе.

Нынешняя же ситуация определяется не только и даже не столько общим экономическим кризисом и падением среднедушевого дохода, сколько общим изменением механизмов социальной, в том числе экономической жизни. Это и предопределяет не просто изменение, но зачастую и полную смену правил профессионального и особенно экономического поведения отдельного человека. Такая ситуация требует от него не просто освоения новых навыков, но и, что крайне тяжело, отказа от старых, ранее приобретенных навыков, которые еще относительно недавно вполне обеспечивали существование, а подчас и относительное преуспеяние.

Понятно, что этот “налог прошлого” платят лишь успевшие освоить социальные нормы и жизненные навыки в условиях действия старых социально-экономических механизмов. От этой платы практически полностью освобождены те, чья базовая структура личности формируется в естественном процессе социализации в настоящее время. Но чем большим опытом использования ранее приобретенных навыков и ценностно-нормативных представ-

лений обладает отдельно взятый человек, тем труднее ему отказаться от них, а значит, и освоить новые, адекватные нынешним условиям жизни.

Похоже, "социализационный лаг", в относительно стабильные периоды охватывающий, по мнению Р.Инглхарта [45], "существенные" временные пространства, в период ускоренной трансформации заметно сужается. Именно поэтому так контрастен сейчас оптимизм молодежи (практически свободной от неприемлемых в новых условиях представлений и навыков) на фоне пессимизма пожилых людей (на плечи которых давит не только необходимость освоения новых норм и навыков социальной и экономической жизни, но и груз старых, хорошо зарекомендовавших себя раньше, но в большинстве своем неприемлемых теперь социальных навыков и стереотипов). И все это происходит на фоне естественного возрастного усиления ригидности (снижения лабильности). В довершение всего государство, еще недавно демонстрировавшее приоритетность социальной защиты ветеранов, резко снижает не только ее уровень, но и ее гарантированность. Оснований для роста пессимизма у пожилых людей более чем достаточно [46].

Данные обследований свидетельствуют не столько о возрастных различиях оптимизма/пессимизма, сколько о когортных, межпоколенческих, присущих периоду перехода из одной системы социально-экономических отношений в другую. Существует достаточно причин для того, чтобы в условиях стабилизации новой системы эти различия сгладились и преобразовались. Приведенные данные могут быть легко интерпретированы в рамках теории межгенерационного изменения ценностей [47]. Однако, на наш взгляд, эта теория, напрямую апеллируя к ценностно-нормативному пространству и его изменениям, заметно абстрагируется от деятельностных детерминант стабильных и особенно изменяющихся систем ценностей [45]. Существует достаточно аргументов (в том числе приведенные здесь цифры) в пользу того, что те или иные системы ценностей интернализуются и устойчиво воспроизводятся личностью не сами по себе, а лишь в той мере, в какой обеспечивают выработку и реализацию собственных целей и программ личности.

Известно, что после завершения первичной социализации и достижения зрелости вероятность глубоких личностных перемен резко уменьшается [41, 42]. Тем не менее в рамках упомянутой теории межгенерационных сдвигов внешнее снижение возрастных различий оптимизма/пессимизма и общей адаптированности (скрывающее различия межпоколенные) можно считать не менее надежным индикатором стабилизации новой системы социально-экономических отношений, нежели свидетельства общего экономического подъема. Но до этого положения еще довольно далеко. Если в наиболее развитых западных обществах почти повсеместно отмечается сдвиг от материалистических к постматериалистическим ценностям [48], то у нас обнаруживается в определенном смысле "встречное движение". От искусственно насаждавшегося (и не всегда безуспешно) квазипостматериалистического идеологического романтизма нынешняя российская трансформация, похоже, обеспечивает переход к своеобразному аналогу "протестантской этики" ранней индустриализации [31].

Индивидуальное сознание постоянно находится под влиянием информации, актуально присутствующей в социуме и воздействующей на сознание и поведение индивида. Это воздействие может осуществляться и через внеконтактную ретрансляцию и воспроизводство групповых норм "рационального" восприятия соответствующих элементов действительности, а также нормативов ценностного отношения к ним. Присутствие такого воздействия нельзя не заметить и в гендерных различиях индивидуального оптимизма/пессимизма. Среди мужчин на 18% пессимистов приходится 32% оптимистов, более или менее уверенно ожидающих дальнейшего повышения своего благосостояния, в то время как среди женщин ситуация почти противоположная. Оптимистов здесь меньше: на 23% этого "меньшинства" приходится 27% опасующихся ухудшения своего материального благосостояния. Если для мужчин агрегированный показатель пессимизма гораздо ниже единицы – 0,56 (18:32), то для женщин он не только заметно выше этой разделительной черты, но и в два с лишним раза выше, чем у мужчин, а именно 1,17 (27:23). По общероссийским данным ВЦИОМ, численность оптимистов, ожидающих улучшения своего материального положения, среди мужчин в два с лишним раза выше, чем среди женщин [32].

Об относительной экономической депривации женщин в нынешних условиях известно достаточно много. Тем не менее, как свидетельствует статистика, подавляющее большинство женщин (как и мужчин) являются членами семей, вторую половину (или иную часть) которых составляют мужчины, в большинстве своем ожидающие повышения индивидуального, а значит и семейного, благополучия. Семьи, в которых одна половина уверенно повышает свое благосостояние, в то время как другая ее часть движется в противоположном направлении, если и существуют в действительности, то скорее, как достаточно редкая девиация. Если же гендерную контрастность индивидуального оптимизма/пессимизма считать свидетельством "материальной" (а не психической и социальной) реальности, то придется признать и то, что вышеописанная семейная девиация существует как статистическая норма. Если же это не так, то повышенный женский пессимизм – еще одно проявление хорошо известной психологам повышенной "женской" тревожности и, не исключено, – свидетельство женской *социальной* нормы восприятия будущего.

Профессии также влияют на предрасположенность их представителей к определенному уровню индивидуального пессимизма. Максимальный уровень индивидуального экономического пессимизма обнаруживают рабочие низкой квалификации, значительная часть которых занята на промышленных предприятиях и в сельском хозяйстве. Соответствующий индекс этой группы равен 1,88 (на 30% пессимистов здесь приходится 16% оптимистов). Близкий к этому уровень пессимизма и у малоквалифицированных служащих, соответствующий индекс равен 1,58 (30:19). Не отличаются оптимизмом и представители самой массовой профессиональной группы – рабочие средней и высокой квалификации. Их индекс индивидуального экономического пессимизма равен 1,19 (25:21). Малоквалифицированные, а тем более рабочие средней и высокой квалификации, – это по преимуществу мужчины, которые, как правило, отлича-

ются оптимизмом. Однако в нынешних условиях исходный мужской оптимизм рабочая спецовка нейтрализует достаточно сильно. В противоположность этому служащие средней квалификации, большую часть которых составляют женщины (известные своим пессимизмом), обнаруживают оптимизм относительно своего экономического будущего. Показатель пессимизма у них опустился ниже разделительной черты и составил 0,82 (23:28). На близком уровне соответствующий показатель у гуманитарной интеллигенции – 0,88 (23:26). Примерно на том же уровне он и у технической интеллигенции – 0,93 (26:28). Можно сказать, что оптимистический настрой этих трех групп находится на некотором среднем для нынешней ситуации уровне, который, напомним, выражен в общем индексе пессимизма, равном 0,85 (23:27).

Заметно ниже уровень индивидуального пессимизма у самарских военнослужащих и работников других силовых ведомств, что нашло свое подтверждение в соответствующем показателе – 0,42 (16:38). Похоже, в Поволжском военном округе личные дела у военнослужащих обстоят заметно лучше, чем в целом по Российской армии, измученной задержками выплат и постоянной угрозой реформирования и сокращения.

У профессиональных руководителей, чьим основным занятием является управление людьми, оптимизма не меньше, чем у работников силовых ведомств, что и находит свое подтверждение в соответствующем показателе, равном 0,38 (15:40). Правомерность нынешнего оптимизма этой социальной группы особого удивления не вызывает. Скорее наоборот, трудно понять, почему почти каждый седьмой руководитель (15%) в той или иной мере опасается ухудшения своего материального благополучия.

Максимальный экономический оптимизм (точнее, минимальный пессимизм) демонстрируют студенты и учащиеся. Агрегированный показатель пессимизма у них вдвое ниже, чем у военнослужащих и профессиональных руководителей, и составляет всего 0,20 (9:45). Нетрудно догадаться, что основной вклад в эту позитивную “аномалию” внесла молодежь, не обремененная нормами и навыками нашего недавнего прошлого. Определенную роль в оптимистическом настрое играет и представление учащихся о том, насколько размеры их нынешних стипендий, случайных заработков и родительских дотаций меньше доходов “профессионалов”, которыми они готовятся стать.

Изменением реальных доходов определена и дифференциация пессимизма/оптимизма в отдельных группах. Нынешний экономический пессимизм занятых на госслужбе и на государственных предприятиях не намного, но все же выше, чем у работников относительно недавно акционированных производств. У работников акционированных предприятий на 24% оптимистов приходится такое же количество их антиподов, а индекс пессимизма оказался точно на разделительной черте (1,0). Среди государственных служащих оптимистов несколько больше, нежели опасующихся снижения своего благополучия, о чем и свидетельствует значение соответствующего показателя – 0,92 (22:24). По-видимому, акционирование экономики еще не дало ее работникам даже такой уверенности в завтрашнем дне, которую сохраняют (или уже приобрели) нынешние госслужащие.

Это, однако, не означает, что частная экономика не может в нынешних российских условиях проявить своих преимуществ. Может и уже проявляет. Но в данном случае имеется в виду не та "промежуточная" экономика, к которой относится большая часть недавно акционированных предприятий, а собственно частная, не несущая на себе "родимых пятен" социалистического прошлого. Как показывает анализ, среди занятых в собственно частной экономике (работающих там по найму) численность индивидуальных экономических оптимистов, верящих в близкое повышение своего благосостояния, в три раза (!) превышает численность их антиподов; о чем и свидетельствует соответствующий показатель – 0,33 (13:39), который близок аналогичному показателю – 0,23 (10:43) у наиболее оптимистично настроенной учащейся молодежи, чье мироощущение находит свои истоки в молодости, помноженной на предвкушение близкого перехода в категорию преуспевающих профессионалов. По данным ВЦИОМ, численность индивидуальных экономических оптимистов, ожидающих улучшения своего материального положения, среди занятых в частной экономике в два с лишним раза выше, чем среди работников государственных предприятий и учреждений [32].

У неработающих пенсионеров ситуация прямо противоположная: на 41% индивидуальных экономических пессимистов приходится в три с лишним раза меньше их антиподов, что и отражается в соответствующем показателе пессимизма группы – 3,42 (41:12). Основные причины этой драматической аномалии мы уже называли, анализируя возрастные и скрывающиеся за ними поколенческие различия уровней пессимизма/оптимизма. Здесь же обратим внимание на следующий факт. Среди пожилых людей, большая часть которых уже не в состоянии работать и живет на свою пенсию, нередко дополняемую разнообразными "вкладами" более молодых членов семьи, численность индивидуальных экономических пессимистов на треть *меньше* (!) суммарной численности тех, кто не ожидает никаких изменений в своем материальном положении, либо даже предполагает его улучшение. Численность пессимистов в этой социальной группе равна 41% (что гораздо больше, чем их прямых антиподов), но остальные 59% представителей этой социальной группы, как минимум, не опасаются ухудшения своего материального положения. Чтобы оценить этот факт, вспомним общее распределение пессимизма/оптимизма, характеризовавшее в 1991-1992 годах все население, а не самую обездоленную его часть [30]. Тогда общее количество индивидуальных экономических пессимистов, почти панически опасавшихся дальнейшего ухудшения своего и без того резко ухудшившегося положения, вплотную приближалось к 100% [24, 25].

Некоторую загадку обнаруживает группа временно не работающих. Похоже, что она состоит из двух различных по своему реальному экономическому статусу частей. В одной – собственно безработные, не по своей воле утратившие предыдущее место работы. В соответствии с традиционными представлениями, они, пусть временно, но все-таки экономически обездолены. Среди них, очевидно, и находится большинство тех 24% индивидуальных экономических пессимистов, которые обнаруживаются в общей массе временно не работающих. Другую, причем явно большую, часть совокупно-

сти временно неработающих, предоставляет нелегализованная частная экономика. Эти люди, как правило, имеют достаточно благополучное экономическое настоящее и хотя бы поэтому далеки от пессимизма относительно своего экономического будущего. Частная экономика, как было показано выше, дает для этого достаточно оснований.

О том, что мы столкнулись именно с этим феноменом, достаточно убедительно (хотя и косвенно) свидетельствует факт, что в общей совокупности временно не работающих экономические оптимисты заметно преобладают над своими антиподами, несмотря на присутствие значительной части собственно безработных, а значит, экономически обездоленных. Об этом же (тоже косвенно) свидетельствует и то, что индекс индивидуального экономического пессимизма в группе временно не работающих значительно ниже, чем среди государственных служащих или работающих на акционированных предприятиях. Только этим можно объяснить тот парадокс, что индекс пессимизма у неработающих равен 0,83 (24:29), при 0,92 и 1,00 у занятых вне частного сектора (на государственных и недавно акционированных предприятиях). В противном случае получается, что в нашей привычно неординарной действительности ("умом Россию не понять") положение безработного обеспечивает человеку более высокий экономический (а заодно социальный и психологический) статус, нежели статус работника пока не очень преуспевающего предприятия или государственного служащего.

Известно, что представление о будущем в значительной степени основывается на предшествующем опыте. Не является исключением и анализируемая ситуация. В нашем исследовании фиксировались и реакции людей на вопрос: "Как Вы полагаете, ваше материальное положение за последнее время (год) улучшилось, ухудшилось или осталось примерно таким же?" Почти половина (48%) тех, кто, по собственной самооценке, испытал в последнее время явное ухудшение своего материального положения, опасается такого же ухудшения и в будущем. Среди тех, чье личное благополучие в недавнем прошлом ухудшилось не столь резко, экономических пессимистов, опасющихся более явного его ухудшения, около трети (31%), а среди тех, чье личное благосостояние в последнее время было относительно стабильным, крайних пессимистов, опасющихся серьезных негативных сдвигов в своем экономическом положении, 17%. Но реже высказывают такие опасения те, у кого недавно жизненный уровень повысился. Здесь "твердых пессимистов" всего 6%, то есть в восемь раз меньше, чем среди тех, чей недавний опыт явно негативен.

Прямо противоположная ситуация с оптимистами. Среди испытавших недавно ухудшение своего материального благополучия на позитивные жизненные изменения в ближайшем будущем рассчитывают 13%, а среди тех, чье материальное положение ухудшилось не столь заметно, на перелом негативной тенденции надеются 18%. Среди тех, чье экономическое положение было стабильным, оптимистов 29%, а среди сумевших повысить свое благосостояние на дальнейшее его улучшение рассчитывает чуть ли не каждый второй (43%). Среди имеющих в недавнем прошлом негативный опыт пессимистов чуть ли не вчетверо больше их антиподов, о чем свидетельствует, в

частности, и индекс индивидуального экономического пессимизма этой наиболее депривированной группы – 3,69 (48:13). У испытавших ухудшение не столь заметный показатель индивидуального пессимизма примерно вдвое ниже – 1,72 (31:18), а для группы сумевших сохранить свой уровень благополучия соответствующий показатель составляет лишь 0,59 (17:29). Но самый низкий показатель пессимизма в группе недавно повысивших свое благосостояние. Здесь его значение равно 0,14, то есть втрое ниже, чем в предыдущей группе “стабильных”, и в 25 раз (!) ниже, чем у наименее благополучных.

Свидетельства зависимости актуального экономического оптимизма/пессимизма от предшествующего жизненного опыта находят свое обобщенное выражение в значении коэффициента корреляции Спирмена (для порядковых переменных) $r = + 0,346$. Этот коэффициент фиксирует общую тесноту связи первичного показателя оптимизма (пессимизма) с показателем самооценки недавних изменений материального положения. Связь, как видим, достаточно тесная. Однако не настолько, чтобы содержание, стоящее за каждым из них, могло бы быть отождествлено. Напомним: 52% недавно испытавших явное ухудшение своего благосостояния не только не опасаются продолжения обвального или даже менее значительного ухудшения своей экономической ситуации, но, как минимум, ожидают дальнейшей ее стабилизации (в том числе 13% верят в скорое улучшение своего материального положения).

Среди испытавших незначительное понижение уровня своего благополучия таких, кто не опасается негативных изменений, уже 69% (причем 18% верят в повышение своего благополучия). В то же время 57% недавно повысивших свое благосостояние не верят в дальнейший рост своего благополучия (в том числе 6% опасаются ухудшения недавно улучшившегося материального положения).

Таким образом, приведенные данные, хотя и свидетельствуют о тесной связи между субъективно осознаваемым актуальным благополучием и оптимистическим видением личных жизненных перспектив, могут рассматриваться и как убедительное свидетельство неправомерности их отождествления, что характерно как для нашей отечественной, так и для зарубежной традиции.

* * *

Подведем итоги. **Первое:** период тотального социального стресса от столкновения российского населения с принципиально новыми условиями постсоветской повседневности для большинства граждан остался позади. Пик этого стресса пришелся на конец 1991 – начало 1992 года и был вызван не столько “освобождением цен”, сколько не сразу осознанным началом кардинальной трансформации общества, превратившей многие важнейшие навыки и ценностно-нормативные координаты, интернализированные в условиях советского образа жизни, в непригодные и не востребованные в новых социально-экономических условиях. **Второе:** процесс освоения навыков, обеспечивающих человеку реализацию его основных (обычных для него) потребностей, и интернализация ценностно-нормативных представлений, соответ-

вующих формирующейся постсоветской действительности, характеризуется сильной социально-структурной дифференциацией. Это проявляется прежде всего в адаптивном противостоянии поколений, чьи повседневные навыки и ценностно-нормативные представления были приобретены и сформированы до начала социальной и экономической трансформации советского общества (в “доперестроечное время”), и поколения, свободного от груза ранее освоенных поведенческих техник и ценностно-нормативных координат, чья первичная социализация происходила (и происходит) в новых социально-экономических условиях. Одно из наиболее ярких проявлений этого “противостояния” – экономический оптимизм одних и пессимизм других, что свидетельствует об адаптационных трудностях первых и адаптированности вторых.

Существенное влияние на адаптивный потенциал личности и формирование у нее соответствующих оптимистических (или пессимистических) представлений о собственном будущем оказывает близость человека к активной (деятельностной) практике постсоветской повседневности. Эта закономерность находит свое отражение, в частности, в социально-экономической, социально-профессиональной и гендерной дифференциации группового экономического оптимизма/пессимизма.

В целом же, как показывает проведенный анализ, показатель экономического оптимизма/пессимизма служит надежным индикатором адаптивного потенциала трансформирующегося общества и его различных социальных групп. Этот показатель может быть использован не только для анализа процессов, происходящих внутри отдельно взятого общества, но и для выявления общих закономерностей и специфики современной трансформации в постсоветском пространстве и странах Восточной Европы.

Социальное сознание воздействует на индивидуальное сознание, с его откровенно пристрастным отношением к миру, не прямо, а через “фон” ценностно нейтральной информации и присущих ей “объективных” оценок. Этот “фон”, хотя и тяготеет к когнитивному и рассудочному, не обязательно актуально вербализуется или осознается индивидом. Собственные представления об объектах и ситуациях, непосредственно присутствующих в жизненном опыте отдельно взятого индивида в их относительно детальной конкретике, равно как и субъективное отношение к этим объектам и ситуациям, могут обнаруживать достаточно высокую степень независимости от ценностно нормативных координат социальности, в которые погружен данный индивид. Однако пространство “независимости” у отдельного индивида, как правило, ограничено. Основная же часть индивидуального сознания находится под непосредственным влиянием информации, актуально присутствующей в социуме и воздействующей на сознание и поведение индивида как через его непосредственное социальное окружение и систему референтных групп, так и через массовые коммуникации.

Принципиальной методологической проблемой, неразрешенность которой, по нашему мнению, существенно затрудняет изучение взаимосвязи индивидуального и социального на эмпирическом уровне, является то, что в эмпирических исследованиях, основанных на массовых опросах, элементы

индивидуального и социального сознания (в частности, ценностно-нормативные образования) обычно предстают в нерасчлененном виде. Однако без вычленения (сепарации) таких элементов исследование факторов и механизмов регуляции оптимизма и пессимизма практически невозможно. Именно поэтому методология вычленения собственно социального из внешне доступного наблюдению индивидуального – основная проблема эмпирических исследований, связанных с массовыми опросами.

Методология не может быть сведена лишь к некоторой инновации в процедуре опроса или статистического анализа полученных данных. Продуктивный подход подразумевает интеграцию всех уровней социологического исследования: от общей социологической теории (из которой концептуально определенные понятия социального и индивидуального в ходе соответствующих операционализаций “опускаются” на более низкие уровни анализа, не оставляя места для разного рода аберраций) до легко тиражируемых процедур оперативного “уличного опроса” (при котором в соответствии с практикой проводившихся авторами исследований основным источником информации выступает не традиционный респондент, а интервьюер, наделенный функциями эксперта, оценивающего и фиксирующего не только вербальные ответы своего собеседника, но и весь поток информации о его реакциях на “сценарий опроса”).

Эта методология подразумевает более четкое “разведение” уровней исследования и дисциплинарных подходов: собственно социологического, социально-психологического и психологического. Только такое “разведение” и может обеспечить продуктивность всего теоретико-эмпирического исследования.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Наумова Н.Ф.* Социальная политика в условиях запаздывающей модернизации // Социологический журнал. 1994. № 1. С. 6-21.
2. *Наумова Н.Ф.* Рецидивизирующая модернизация в России как форма развития цивилизации // Социологический журнал. 1996. № 3/4. С. 5-28.
3. *Головаха Е.И., Панина Н.В.* Интегральный индекс социального самочувствия. Киев: Институт социологии НАН Украины, 1997.
4. *Cantril H.* The pattern of human concerns. New Brunswick, NJ: Rutgers University Press, 1965.
5. *Freedman J.* Happy people: What happiness is, who has it, and why. New York: Harcourt Brace Jovanovich, 1978.
6. *Diener E.* Subjective well-being // Psychological Bulletin. 1984. Vol. 95. No. 3. P. 542-575.
7. *Diener E., Larsen R.J., Emmons R.A.* Person x situation interactions: Choice of situations and congruence response models // Journal of Personality and Social Psychology. 1984.
8. *Bradburn N.M.* The structure of psychological well-being. Chicago: Aldine, 1969.
9. *Bradburn N.M., Caplovitz D.* Reports on happiness. Chicago: Aldine, 1965.
10. *Cantril H.* The pattern of human concerns. New Brunswick, NJ: Rutgers University Press, 1965.

11. *Maslow A.H.* Motivation and personality. New York: Harper and Row, 1970.
12. *Campbell A., Converse P.E., Rodgers W.L.* The quality of American life: perceptions, evaluations, and satisfactions. New-York: Russel Sage Foundation, 1976.
13. *Gallup G.H.* Human needs and satisfactions: A global survey // *Public Opinion Quarterly*. 1976-1977. Vol. 40. P. 459-467.
14. Человек и его работа / Под ред. В.А.Ядова. М.: Мысль, 1967.
15. *Китвель Т.О.* Социально-психологические проблемы удовлетворенности трудом. Таллинн: Институт истории АН ЭССР, 1974. С. 134.
16. Социально-психологический портрет инженера / Под ред. В.А.Ядова. М.: Мысль, 1977.
17. Саморегуляция и прогнозирование социального поведения личности / Под ред. В.А.Ядова. Л.: Наука, 1979.
18. Социология в России / Под ред. В.А.Ядова. М.: Изд-во "На Воробьевых", 1996.
19. *Алексеев А.Н.* Драматическая социология (Эксперимент социолога-рабочего). М., 1997. С. 656.
20. *Ядов В.А.* Социологическое исследование. Методология, программа, методы. 3-е изд, дополн. и испр. Самара: Изд-во Самарского ун-та, 1995.
21. *Inglehart R.* Culture shift in advanced industrial society. Princeton: Princeton University Press, 1990.
22. *Inglehart R.* Modernization and postmodernization. cultural, economic and political change in 43 societies. Princeton: Princeton University Press, 1997.
23. *Tellegen A.* Differential Personality Questionnaire. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1979.
24. *Кесельман Л., Мацкевич М.* Вариации на тему оптимизма // Смена. 1991. Январь.
25. *Кесельман Л., Мацкевич М.* В Петербурге стало больше "индивидуальных оптимистов" // Санкт-Петербургское Эхо. 1993. Май.
26. *Зубова Л., Ковалева Н., Красильникова М.* Динамика экономического положения россиян // Экономические и социальные перемены: Мониторинг общественного мнения. 1993. № 2. С. 20, 21.
27. *Красильникова М., Николаенко С.* Индекс потребительских настроений // Экономические и социальные перемены: Мониторинг общественного мнения. 1994. № 2. С. 46-50.
28. *Зубова Л., Ковалева Н.* Материальное положение и оценки потребительского рынка // Экономические и социальные перемены. 1995. № 1. С. 34-37.
29. *Ибрагимова Д., Красильникова М., Николаенко С.* Индекс потребительских настроений // Экономические и социальные перемены. 1996. № 6. С. 36-41.
30. *Мацкевич М.* Ряды пессимистов редуют // Рейтинг. 1992. № 5.
31. *Штомпка П.* Социология социальных изменений / Пер. с англ. А.С.Дмитриева; Под ред. В.А.Ядова. М.: Аспект Пресс, 1996. С. 58, 59.
32. Экономические и социальные перемены: Мониторинг общественного мнения. 1997. № 1. С. 69-71.

33. *Кесельман Л.* Социально-структурные особенности адаптации жителей Самары к новым экономическим условиям // Поведение и ценностные ориентации различных социальных групп населения Самары: Информационный бюллетень. Самара: Самарский областной фонд социальных исследований, 1995. № 6.
34. *Звоновский В., Мацкевич М.* Поведение и ценностные ориентации различных социальных групп населения Санкт-Петербурга и Самары // Ценностные ориентации и социальное поведение в изменяющихся условиях. Региональные аспекты. Самара: Самарский фонд социальных исследований, 1995. С. 44-64.
35. *Кесельман Л., Звоновский В.* Московское время в самарской провинции: индивидуальное и социальное в отношении к его изменениям. Самара: Самарский фонд социальных исследований, 1997. С. 180.
36. *Мацкевич М., Кесельман Л.* Изменение политических ориентаций различных социальных групп (по материалам исследований в Москве, Петербурге, Самаре и Кемерово) // Образ мыслей и образ жизни. М.: Институт социологии РАН, 1996. С. 104-146.
37. *Докторов Б.З.* Предложения по оплате труда работников, участвующих в проведении прикладных социологических исследований. М.: Ин-т социологии АН СССР, 1988. С. 57.
38. *Саганенко Г.И.* Надежность результатов социологического исследования. Л.: Наука, 1981.
39. *Паниотто В.И.* Качество социологической информации. Киев: Наукова думка, 1986.
40. *Голов А.А.* 1989-1993: Перемены в повседневной жизни россиян // Экономические и социальные перемены: Мониторинг общественного мнения: Информационный бюллетень. 1994. № 2. С. 33-36.
41. *Кон И.С.* Социология личности. М.: Мысль, 1967.
42. *Кон И.С.* Возрастные категории в науках о человеке и обществе // Социологические исследования. 1978. № 3.
43. *Кесельман Л.Е.* Социально-демографические факторы профессионально-производственной деятельности рабочих // Рабочий класс СССР на рубеже 80-х годов / Под ред. Л.А.Гордона и А.К.Назимовой. М.: Ин-т международного рабочего движения АН СССР, 1981.
44. *Кесельман Л.Е., Родина Е.Ю.* Социально-демографические факторы формирования аудитории театра и прогнозирование ее структуры // Перспективное планирование и управление в сфере художественной культуры / Под ред. Н.Хренова. М.: Искусство, 1981.
45. *Инглхарт Р.* Постмодерн: меняющиеся ценности и изменяющиеся общества // Политические исследования. 1997. № 4. С. 6-32.
46. *Гордон Л.А.* Область возможного. М., 1995. С. 192.
47. *Abramson P.R., Inglehart R.* Generation replacement and value change in eight West European societies // British Journal of Political Science. 1992. Vol. 22. P. 183-228.
48. *Докторов Б.З.* Россия в европейском социокультурном пространстве // Социологические исследования. 1994. № 3. С. 4-19.